

О запасах военного имущества в Москве в 1812 г.

Исполнилось 175 лет Отечественной войны 1812 г., имевшей громадное значение для исторических судеб России и Европы. Проблемы истории этой войны по-прежнему сохраняют свою научную и общественно-политическую актуальность. Большинство советских историков отмечают два события, определивших коренной перелом в ходе войны: Бородинское сражение и оставление Москвы, позволившее русской армии получить время, необходимое для подготовки контрнаступления, развернуть всенародную борьбу с захватчиками.

Предлагаемая вниманию читателей статья, подготовленная на основе выявленных архивных документов, свидетельствует о тех огромных

трудностях, которые возникали в деле организации отпора захватчикам. Статья является продолжением изложения событий, приведших к гибели в Москве в 1812 г. помимо большого запаса огнестрельного оружия также и другого военного имущества¹. Исследование обстоятельств, при которых это произошло, позволяет углубить существующие представления о значении этих потерь и о тяжести принятия решения оставить Москву.

В исторической литературе данный вопрос освещен в самом общем виде². Осталось почти неизвестным практическое назначение этих запасов и реальные обстоятельства их гибели. Основными источниками по данному вопросу

служат «Отчет за войну 1812—1815 гг.» генерал-интенданта Е. Ф. Канкрина, дела о расследовании утраты имущества артиллерийского и комиссариатского департаментов³. Отдельные итоговые документы из них были опубликованы⁴. Основная масса документов о создании и назначении запасов, переписка различных инстанций о распределении спасенного имущества, гибели другой части запаса вводится в научный оборот впервые.

Вопрос о создании больших запасов оружия, боеприпасов, амуниции и обмундирования на случай необходимости формирования резервов и восполнения потерь при неудачном ходе войны встал в 1806 г. В сентябре 1806 г. был разработан план создания запаса обмундирования и амуниции на половину полевой армии того времени (100 тыс. человек)⁵. Военное руководство желало иметь второй комплект на всю армию. Но выполнение этого плана было признано нереальным. Недостаток производственных мощностей не позволял резко увеличить заготовки обмундирования и амуниции, которые и до этого составляли 40—50 % общероссийского производства⁶. В августе 1807 г. создание запланированного запаса было приостановлено из-за возрастания дорогоизны на предметы снабжения.

Подготовка запаса холодного оружия, артиллерии и боеприпасов проходила довольно успешно, что было связано с наличием достаточно развитого железноделательного, литейного и порохового производств⁷. Износ орудий, расход боеприпасов в то время был сравнительно невелик и не требовал резкого наращивания производства в военное время.

В отличие от артиллерийских и оружейных запасов обмундирование имело короткий срок использования (1—3 года) и не могло храниться долго. Рост армии до начала 1812 г., невыполнение поставок в связи с ростом цен привели к тому, что имеющиеся небольшие запасы обмундирования были израсходованы.

Новый импульс эта работа получила в конце 1811 г., когда на несколько месяцев раньше обычного, несмотря на рост цен, началось создание комплекта вещей на 1813 г.⁸ (с запасом на четверть комплекта). В предвидении войны военное руководство распорядилось о выдаче солдатам трех западных армий помимо имеющихся у них двух пар сапог еще и третьей пары. Перечисленные меры воплощались в жизнь с неизбежной в таких случаях задержкой. Однако сапоги весной 1812 г. были уже доставлены в армию.

В ходе отступления русской армии в начале Отечественной войны 1812 г. многие части утратили часть зимнего обмундирования, отправленного в тыл на подводах⁹. Комиссариатским чиновникам было дано задание произвести обследование обозов, госпиталей, рекрутских и комиссариатских депо для скорейшего сбора всех излишних вещей и своза их в Москву. Последнее за краткостью времени, оставшегося до оставления столицы, сделать практически не удалось.

Для скорейшего решения вопроса заготовки вещей в июле в Москву (где было намечено изготовить 62 тыс. зимних панталон)¹⁰ был послан генерал-крайс-комиссар А. И. Татищев. К 20

августа были готовы 18,5 тыс. панталон.

К сентябрю в Москве были заготовлены и свезены из Смоленска, Киева и других мест значительные запасы: 347 артиллерийских орудий (в основном малокалиберных, без надлежащего снаряжения), 55 тыс. единиц холодного оружия, 21 тыс. пудов пороха, 14,4 тыс. пудов свинца, 3,5 млн. аршин холста, до 500 тыс. аршин сукна, 241 тыс. пар сапог, правда, с непришитыми еще подошвами и т. д.¹¹.

Недавно выявленные в архивах документы позволяют достоверно восстановить обстоятельства эвакуации и гибели артиллерийского и комиссариатского имущества.

Общий вес всех этих запасов составлял около 200 тыс. пудов (3200 т). Для вывоза их сухим путем требовалось около 8 тыс. подвод. В условиях начавшейся эвакуации большинства «казенных мест», всего населения города, необходимости обеспечения подвоза к армии запасов и вывоза до 30 тыс. раненых выделение такого количества подвод было невозможно. Поэтому сразу после начала подготовки к эвакуации (17 августа) было решено половину запасов пороха и свинца, большинство комиссариатских вещей отправить водой на барках (речных судах-баржах грузоподъемностью до 5—7 тыс. пудов (80—112 т)). Сухим путем были отправлены: новые орудия (191) — в Нижний Новгород, часть патронов — в Муром, сукна, холст и сапоги — в Коломну, далее уже водным путем.

К 30 августа все барки были подготовлены, нагружены и готовы к движению. Восемь из них с порохом и свинцом, приняв на борт лоцманов, в тот же день начали плавание вниз по течению. На следующий день за ними последовали 23 барки с комиссариатскими вещами. Не погрузили на барки, оставили в артиллерийском депо в Москве 5,8 тыс. пудов свинца и 10,4 тыс. пудов пороха, несколько десятков тысяч единиц холодного и огнестрельного оружия. Это решение было принято Ф. В. Ростопчиным, потому что под Москвой планировалось генеральное сражение и войскам потребовалось бы большое количество боеприпасов и оружия.

После Бородина М. И. Кутузов приказал в срочном порядке выслать в армию боекомплект на 500 орудий, что и было, за небольшим исключением, сделано¹².

Известие об оставлении Москвы было получено в арсенале рано утром 2 сентября 1812 г., когда времени на погрузку и эвакуацию запасов уже не было. Не имея прямых указаний в отношении уничтожения запасов, начальник арсенала полковник А. А. Курдюмов уехал, не приняв самостоятельного решения. Один из офицеров разыскал Ф. В. Ростопчина и получил от него указание потопить запасы пороха и свинца. До четырех часов дня, т. е. до прихода противника, 400 солдат гарнизона и служителей арсенала подымали из погребов бочки с порохом, свинцовые слитки и бросали в Москву-реку и Красный пруд (ныне на его месте Ярославский вокзал).

Холодное оружие осталось лежать вместе с огнестрельным у стен арсенала, ворота которого 2 сентября были широко распахнуты. Москвичи, ожидавшие призыва к выступлению против французов, взяли с собой большое количество сабель и тесаков.

Хотя русское командование знало о том, что в Москве заготовляется зимнее обмундирование, но приказ о его выдаче в войска последовал только 2 сентября. По свидетельству генерал-крайс-комиссара А. И. Татищева, комиссариатское депо все же успело выдать в войска 22,5 тыс. панталон¹³. С трех спасенных барок в армию было раздано значительное количество сукна. Раздача происходила ночью, в спешке, без всякого учета. Предложенная М. Б. Барклаем де Толли мера по обеспечению войск зимним обмундированием, заготовка в близлежащих губерниях 100 тыс. полушибок, 100 тыс. пар сапог, 120 тыс. пар лаптей, 100 тыс. зимних подков до перехода армии в контрнаступление осуществлена не была¹⁴.

По свидетельству очевидца, победоносная, но сильно поредевшая Главная армия М. И. Кутузова пришла в г. Вильно в летних панталонах¹⁵. Если утрата артиллерийского имущества и боеприпасов почти не повлияла на боеспособность армии, то утрата зимнего обмундирования и обуви серьезно ее подорвала. Главным вопросом исследования стало выяснение причин уничтожения вещей, отправленных на барках. Было установлено, что днем 3 сентября передние барки сели на мель. Выявленные в ЦГВИА СССР документы свидетельствуют, что среди отмелей застряли четыре барки с порохом, 2 — со свинцом и 13 комиссариатских барок, в том числе 4 — с сукном, 4 — с холстом, 3 — с кожевенным товаром, 1 — с медными изделиями, 1 — с равндуком (пеньковым материалом)¹⁶. Местонахождение 2 артиллерийских и 7 комиссариатских барок не было известно. Повсей вероятности, одни из них были захвачены неприятелем, другие — сожжены.

Отправление сухим путем на 1700 подводах сукна было довезено до Коломны, а затем перегружено на барки и отправлено водой до Нижнего Новгорода, ставшего вместо Москвы центром заготовок военного имущества. Туда же были доставлены 22 тыс. сабель на транспорте, следовавшем безостановочно из Киева.

Большая часть холодного оружия, оставленная в ящиках около стен арсенала, испытала ту же участь, что и огнестрельное. Часть запаса была взята москвичами, желавшими защищать свой город, оставшееся оружие, а также негодные артиллерийские орудия и другое имущество было засыпано обломками взорванного арсенала.

Поиск вооружения, начатый по требованию царя в марте 1813 г., был закончен летом 1815 г. Были обнаружены почти все орудия (за исключением 43 малокалиберных), в том числе «курьезные» (т. е. старинные), 8,4 тыс. тесаков, сабель и клинков к ним¹⁷. На полевом артиллерийском дворе был найден огромный слиток свинца. Определить его массу чиновники не могли. Кусок, отрубленный от него, весил 500 пудов¹⁸.

Поиск вещей, уцелевших после уничтожения барок, показал, что крестьяне близлежащих деревень продавали слитки свинца и другие предметы. Вещи с трех барок, следовавших в конце колонны (сапоги, ремни, медные котлы), были полностью разграблены французами в самом начале пути¹⁹.

Комиссариатский департамент несколько месяцев не подавал окончательных ведомостей утраченного имущества, надеясь, что хотя бы часть его будет найдена. Тем самым также хотели избежать суда, грозившего многим чиновникам. Особенно это касалось чиновников арсенала, которые не приняли всех возможных мер для спасения или уничтожения имущества. Дело об утрате имущества было закончено решением государственного совета 30 мая 1817 г.²⁰. Было признано, что потеря произошла из-за чрезвычайных обстоятельств. Чиновники, виновные в халатном отношении к своим обязанностям, были прощены в соответствии с указом императора от 30 августа 1814 г.

Из числа комиссариатских запасов были утрачены 3,3 млн. аршин холста, около 180 тыс. аршин сукна, 170 тыс. пар сапог, 100 тыс. различных ремней. К сожалению, итоговая ведомость не дает полного представления о количестве предметов и материалов в натуральном выражении. Обмундирование и амуниция одного солдата стоили 40—50 руб.²¹, а в среднем потеряно было 50 тыс. комплектов снаряжения. Сухая жаркая погода конца августа сделала Москву-реку мелководной. По справке начальника 3-го округа путей сообщения известно, что глубина фарватера в некоторых местах достигала лишь пяти вершков (22,5 см)²². Хотя барки были нагружены на треть их грузоподъемности, они, как это выяснилось позже, даже пустыми едва ли бы прошли по такому мелководью. За три дня они преодолели всего лишь 8 верст. Таскали их по дну специальными воротами, охраняли 500 казаков. Первая барка окончательно села на мель у монастыря Николы Перервы недалеко от села Коломенского. Перегрузка пороха на другую барку ничего не дала. Ввиду угрозы захвата судов неприятелем почти все лоцманы их покинули. Мимо застрявшей барки удалось провести лишь 3 судна с комиссионатским имуществом. Когда все попытки в течение суток пустить барки в ход не увенчались успехом, по устному приказу М. И. Кутузова они были сожжены, а порох высыпан в реку²³. Было утрачено 24 тыс. сабель, палашей, тесаков, 21 тыс. пудов пороха, около 12 тыс. пудов свинца, 16 тыс. артиллерийских снарядов. Общие потери военного ведомства были оценены в 4648 тыс. руб.²⁴.

Поспешная эвакуация из Москвы и уничтожение большого количества военных материалов красноречиво показывают нам остроту военного положения России в начале сентября 1812 г., когда решалась судьба народов России и всей Европы. Вводимые в научный оборот документы свидетельствуют, что военное командование сознательно взяло на себя ответственность за многомиллионные потери казны и частных лиц. Несомненно, что потери военного имущества могли быть гораздо меньше, если бы эвакуация была заранее продумана и организована. В этом случае Главная армия М. И. Кутузова была бы гораздо лучше обмундирована и вооружена и не понесла тех больших потерь от холода и болезней, которые имели место.

С. В. ШВЕДОВ